

ДЖАЛГАН И ДЖАЛГАНЦЫ: СИНТЕЗ ПЕРСИДСКОГО И АЛАНСКОГО КОМПОНЕНТОВ

(по материалам фольклорно-этнографической и лингвистической
экспедиции 14-18 июня 2016 г.)

З.К. Кусаева

Э.Б. Сатцаев

Ф.М. Таказов

Принято считать, что на этнической карте России не осталось белых пятен. Однако выявляются лакуны в идентификации отдельных этнических общностей с известными современной науке этнокультурными группами. К ним относятся и жители селения Джалган Дербентского района Республики Дагестан. Целью фольклорно-этнографической и лингвистической экспедиции стало установление языковой принадлежности жителей Джалгана, исследование их традиционной культуры и определение степени джалгано-осетинских культурных сходжений. Язык джалганцев сближается с фарси, а традиционная культура – с культурой осетин. Многие элементы традиционной культуры джалганцев имеют аналогии в традиционной культуре осетин, которые, однако, нельзя отнести к типологическим сходжениям. В религиозных верованиях джалганцев значимое место занимает почитание святилищ и покровителей этих святилищ. Система святилищ и почитание духов-покровителей у жителей с. Джалган находит свои параллели с традиционными осетинскими религиозными воззрениями. Как и у осетин, вокруг святилищ появляются устные рассказы, призванные убедить слушателя в сакральности священного места и неминуемости наказания для нарушителя сакральности. Велика роль и сновидений, подтверждающих священность места или становящихся причиной появления нового «Пира», которым джалганцы именуют как само святилище, так и духа-покровителя этого святилища. Во многом схожи этикетные нормы осетин и джалганцев, не находящих соответствия у остальных народов Дербентского района. Прямые аналогии прослеживаются и в свадебных обрядах, которые можно охарактеризовать как смесь дагестанских и «осетинских» свадебных ритуалов. Объяснение такого синтеза лежит в исторических сведениях, согласно которым в генезисе джалганцев приняли участие персы и аланы.

Ключевые слова: Джалган, этнография, традиционная культура, джалганский язык, пир.

It is believed that there are no white spots at the ethnic map of Russia. However, the gaps are identified in the identification of separate ethnic societies with well-known in modern science ethnocultural groups. The villagers of Dzhalgan of the Derbent region of the Republic of Dagestan are pertained to them. The aim of folklore-ethnographic and linguistic expedition was to reveal linguistic affiliation of the Dzhalgan inhabitants, study their traditional culture and determine the degree of Dzhalgan-Ossetian cultural similarities. Language of Dzhalgians is converged with Farsi, and their traditional culture – with the culture of Ossetians. Many elements of traditional culture of Dzhalgians have analogies in the traditional culture of Ossetians, which, however, cannot be attributed as the typological convergences. In the religious beliefs of Dzhalgians veneration of sanctuaries and their patrons take a significant place. The system of sanctuaries and worship of their patron spirits are paralleled with traditional Ossetian religious beliefs. Like Ossetians, around

the sanctuaries the oral stories appeared, intended to persuade a listener in the sanctity of the holy places and inevitability of punishment for violator of sacredness. The role of dreams is significant too, as they convince the sanctity of the place or cause for a new Pir, as Dzhalganians name both the very sanctuary and its spirit-patron. The etiquette norms of Ossetians and Dzhalganians are largely similar, not finding parallels among the other peoples of the Derbent region. Direct analogies can be seen in wedding rites that can be characterized as a mix of the Dagestan and "Ossetian" wedding rituals. The explanation for this synthesis is given by the historical data, according to which Persians and Alans participated in the genesis of Dzhalganians.

Keywords: Dzhalgan, ethnography, traditional culture, language Dzhalganian, Pir.

Небольшое село Джалган, расположенное на склонах горы близ города Дербент в Республике Дагестан, ничем не отличается от ближайших сел. Однако все, кто посещал данное село, отмечали как языковые, так и культурные особенности его жителей. Несмотря на то, что официально их именуют азербайджанцами, окружающее население причисляет их то к персам, то к татам, то к горским евреям. Сами джалганцы идентифицируют себя как самостоятельный народ со своим языком и своей культурой, хотя у них и отсутствует какой-либо этноним для самоидентификации. При необходимости, в официальных документах, для самоназвания они используют этнонимом «азербайджанец».

Сведения о с. Джалган, время от времени появлявшиеся в средствах массовой информации, были поверхностны и сводились, в основном, к противопоставлению языка и культуры джалганцев окружающим их тюрко- и кавказоязычным народам. По причине отождествления их языка с персидским, они не попадали в поле зрения осетиноведов, хотя на схожесть языка, особенно культуры жителей Джалгана с осетинской традиционной культурой еще в 1906 г. обратил внимание Илас Кудурович Бароев, служивший в Терско-Кубанском казачьем полку. По долгу службы он некоторое время провел в с. Джалган и, обратив внимание на некоторые джалгано-осетинские схождения в языке и культуре, поделился своими наблюдениями со своим племянником Петром Дзибоевичем Бароевым¹. Тем не менее, сведения, собранные И.К. Бароевым, затем П.Д. Бароевым, специально ездившим в 1967-1968 гг. в с. Джалган, не стали достоянием обще-

ственности, из-за чего и не попали в поле зрения ученых-осетиноведов.

После очередной информации о некоторых джалгано-осетинских схождениях в традициях, с которой к сотрудникам СОИГСИ им. В.И. Абаева обратилась жительница г. Дербент М.К. Коциева-Алиева, было принято решение проверить полученные сведения и отправить в с. Джалган фольклорно-этнографическую и лингвистическую экспедицию. В качестве исследовательских задач экспедиции были обозначены: установление языковой принадлежности жителей Джалгана, изучение их традиционной культуры и определение степени джалгано-осетинских культурных схождений.

История села Джалган (*Джалгъан*) тесно связана с историей зарождения крепости Дербент. Согласно историческим преданиям самих жителей Джалгана, их село древнее крепости Дербент на 300 лет, хотя для подобного утверждения нет никаких письменных подтверждений. В то же время, к древности поселения Джалгана склоняют некоторые исторические факты, а также сам язык джалганцев, являющийся островком ираноязычия в среде тюркских и кавказских языков. К иранской группе языков в Дагестане, в частности в Дербентском районе, относится и татский язык. Однако, несмотря на то, что оба языка относятся к западно-иранской подгруппе иранской группы индоевропейской семьи языков, различия между ними столь очевидны, что дают основания говорить о двух самостоятельных языках. Кроме того, многие элементы национальной культуры джалганцев имеют множественные схождения с традициями осетин [1, 66-80], про-

живающих в центре Кавказа и относящихся к восточно-иранской подгруппе языков, в то время как культура татов близка культуре других народностей Дагестана.

Прежде всего следует отметить очевидный синкретизм религиозных верований джалганцев, проявляющийся в том, что они, на протяжении нескольких столетий исповедуя ислам суннитского толка, продолжают ревностно исполнять свои древние обряды, в которые, безусловно, вплелись как исламские, так и христианские мотивы [2, 84-95].

В религиозных верованиях джалганцев значимое (даже более значимое, чем ислам) место занимает почитание святилищ и покровителей этих святилищ. Особого названия для святилищ и их патронов у джалганцев не существует. И священное место, и дух этого места называют одним словом – «Пир». Система святилищ и почитание духов-покровителей у жителей с. Джалган находят свои параллели с традиционными осетинскими религиозными воззрениями. Вокруг святилищ появляются, как и у осетин, устные рассказы, призванные убедить слушателя в сакральности священного места, неминуемости наказания нарушителя сакральности. Велика роль и сновидений, подтверждающих священность места или становящихся причиной появления нового «Пира».

Так, например, от жителей с. Джалган Г.Г. Рустамова и Ш.Дж. Агарагимула был записан рассказ «О наказании распивавшего спиртное на территории святилища джалганца», известный всему населению села. Согласно рассказу, у одного жителя Джалгана гостил русский, с которым на территории священной рощи он стал распивать водку. На следующий день гость уехал без последствий, но житель Джалгана ослеп.

В той же священной роще, по рассказам жителей села, в начале 90-х гг. XX в. неизвестные люди раскопали рядом со священным камнем кувшин с драгоценностями. Жители села видели их, но побоялись воспрепятствовать. В результате поднялся ураганный ветер, поваливший много де-

ревьев и сорвавший у некоторых крыши домов.

Появление в центре села священного тутового дерева местные жители связывают с увиденным во сне «Пиром» в образе женщины. При этом, по утверждению жителей дома, в чьем дворе находится дерево, «Пир» каждый раз видят все, кто ночует в комнате, в окна которой упирается ветка священного дерева.

Ритуальная выпечка хлебцев, приносимых джалганцами к святилищам, соответствует осетинским ритуальным пирогам, без которых не обходится ни одно посещение святилищ. Ритуальный пирог джалганцев представляет собой небольшую круглую выпечку (наподобие осетинских пирогов) без начинки. Перед выпечкой на пироге делают восемь надразов, а в середине, где сходятся лучи от надразов, делают точку. Для совершения обрядового моления жители Джалгана приносят к святилищам нечетное количество ритуальных хлебцев, чаще всего кратное трем. Молиться в святилищах с четным количеством хлеба у них не принято. Приношения, иногда и деньги, оставляются в святилище с тем, чтобы их мог забрать нуждающийся.

Во многом схожи этикетные нормы осетин и джалганцев, не находящие соответствия у других этнических групп Дербентского района.

Члены экспедиции присутствовали и на свадьбе, которая во многих деталях представляет собой смесь дагестанских и осетинских свадебных ритуалов. Жених, как правило, отсутствует на свадьбе и возвращается в дом по завершении торжества, под покровом ночи. Невесту по прибытии в дом жениха размещают в углу, затем она угощает свекровь и старших женщин медом.

Помимо этого, вызывает интерес аналогичность семейных традиций. К примеру, у джалганцев старшего по возрасту, как, собственно, и всех гостей, принято приветствовать стоя. Молодой невестке не принято общаться со свекром, а в первое после свадьбы время и со свекровью. Также дурным тоном считается произносить имя све-

кра либо других старших мужчин – представителей семьи мужа. В прежние времена в присутствии в доме старших, а также посторонних людей молодым родителям не положено было брать на руки своих детей и относиться к ним с излишней эмоциональностью.

В контексте джалгано-осетинских культурных параллелей особый интерес вызывает язык джалганцев. Даже поверхностный его анализ позволяет с уверенностью говорить о его близости с языком фарси, хотя эти языки разнятся как в фонетике, так и в морфологии и лексике. Из бытующих на сегодняшний день языков Дербентского района Дагестана наиболее близок «джалганскому» татский язык, хотя при общении джалганцев и татов на родных языках они друг друга не понимают.

Говоря о языке жителей с. Джалган, необходимо сказать, что на схожем с ними языке говорят в сс. Митаги-Казмаляр и Казмаля. Небольшие языковые различия, отмечаемые в речи жителей этих сел, можно охарактеризовать как говоры одного языка. Так, например, часто произношение и семантика слов совпадают в разных говорах:

Русский	Джалганский	Митаги-Казмалярский
голова	сэ	сэ
рука	дэс	дэс
хлеб	ну	ну
дорога	раh	раh
он	у	у
вода	оу	оу
конь	æсс	æсс

В некоторых случаях наблюдаются фонетические изменения в единичных для обоих говорах словах:

Русский	Джалганский	Митаги-Казмалярский
нос	вини	бини
ухо	уш	гуш
солнце	æфтæ	æфто
мы	уму	иму
луна	мæхтэ	mah
дом	хунæ	ха°нэ
осел	хæ	ха°а°

корова	мэрэгов	мæрагов
двери	дэ:р	дэра

Между двумя говорами есть и лексические расхождения, хотя таковых в собственно джалганском и митаги-казмалярском говорах, этимологически восходящих к иранскому наследию, почти нет. В основном эти расхождения сводятся к заимствованиям. Так, например, для слова ‘бык’ в джалганском употребляется иранское ‘гов’, в то время как в митаги-казмалярском используется, очевидно, заимствованное ‘джюнгэ’.

Вряд ли можно относить к лексическим расхождениям слова, этимологически восходящие к единому источнику, однако трансформировавшимся со временем, и внешне воспринимаемые как разные слова. Например, в джалганском ‘мæхтэ’ (‘луна’), а в митаги-казмалярском – ‘mah’ восходят к древнеиранскому ‘ma:h’.

Как правило, близость языков можно определить по личным местоимениям. По степени различий личных местоимений мы можем судить, в диалектных отношениях стоят сравниваемые языки или выступают как говоры.

Пример:

Русский	Джалганский	Митаги-Казмалярский	Фарси
я	мэ	мэ	мэн
ты	тй	тэ	то
он	у	у	у
мы	уму	иму	ма
вы	ушму	тэ°	шма°
они	уноha	уна°	а°неha°

Как видно из примеров, если между джалганским и митаги-казмалярским различия лежат в основном в области фонетики (за исключением местоимения 2-го лица мн. числа “мы”, которое в митаги-казмалярском имеет то же значение, что и во 2-ом лице ед. числа, однако и в персидском 2-ое лицо и в единственном, и во множественном числе часто выражается формой множественного числа). Сравнительно с персидскими местоимениями фонетические различия более существенны, и в беглой речи они будут сложны для понимания

как для персов, так и джалганцев. Поэтому можно констатировать, что джалганский и митаги-казмалярский относительно друг друга выступают как говоры. По отношению же к персидскому языку они уже стоят в диалектных отношениях.

Примеры:

Джалганский	Русский	Фарси
<i>мэ мухардам</i>	я кушаю	<i>манн михурам</i>
<i>тй мухардэми</i>	ты кушаешь	<i>то михури</i>
<i>у мухардэ</i>	он кушает	<i>у михурад</i>

Интересен тот факт, что в митаги-казмалярском говоре обнаруживается больше совпадений с фарси:

Русский	Митаги-Казмалярский	Фарси	Джалганский
луна	<i>mah</i>	<i>mah</i>	<i>mæhte</i>
дом	<i>xa^one</i>	<i>xa^one</i>	<i>xinæ</i>
ухо	<i>gush</i>	<i>gush</i>	<i>ush</i>

Обращают на себя внимание фонетические изменения в джалганском языке в сравнении с другими западно-иранскими языками и в первую очередь – с языком фарси. Так, например, в джалганском корневая конечная фонема 'p' выпадает, хотя в других иранских языках сохраняется:

Русский	Др.-иранский	Джалганский	Фарси
голова	<i>sarah-</i>	<i>sə</i>	<i>sar</i>
осел	<i>xara-</i>	<i>xæ:</i>	<i>xar</i>

В то же время джалганский язык сохранил некоторые архаичные формы. Наиболее важной историко-фонетической особенностью джалганского языка, в сравнении с языком фарси, является выпадение поствокального 'd', 't':

Фарси	Русский	Джалганский
<i>pedar</i>	отец	<i>piar</i>
<i>deraht</i>	дерево	<i>da^or</i>

Своеобразной структурно-морфологической чертой джалганского языка является также предпозитивная качественная определительная конструкция. Ее широкое распространение можно приписать влиянию других иранских языков. Данная особенность присуща прикаспийским иранским языкам, но чаще всего другим

персидским диалектам. Собственно, эта особенность сближает джалганский язык с восточно-иранскими языками, в частности, с осетинским, в котором определение предшествует определяемому слову.

Примеры:

1. на джалганском языке: *kala da^or* 'большое дерево'

на фарси: *deraxt-e bozorg* 'дерево большое';

на осетинском: *стыр бæлас* 'большое дерево'

2. на джалганском языке: *kushke du* 'маленькое село'

на фарси: *deh-e kutshek* 'село маленькое'

на осетинском: *гыццыл хъæу* 'маленькое село'

3. на джалганском языке: *sie:h ou* 'черная вода'

на фарси: *a^ob-e sia^oh* 'вода черная'

на осетинском: *сау дон* 'черная вода'

Родство языка джалганцев с фарси проявляется также в области словообразования и формообразования. Глагольная система джалганского языка характеризуется наличием ряда вторичных личных и неспрягаемых форм, которые могли возникнуть в результате развития различных персидских диалектов. Одним из интересных аспектов языка джалганцев представляется сохранение падежей в реликтовом состоянии. Падежная форма мало развита, но все же существует, в то время как в персидском языке падежи полностью отсутствуют.

В джалганском языке выделяются две падежные формы:

1. безобъектный – *xinæ* 'дом', *ketab* 'книга', *xalq* 'народ'

2. объектный – *xinæe* 'дому, дома, доме и т.д.', *ketabæ* 'книгу, книге, книгой и т.д.', *xalqæ* 'народу, народа, народе и т.д.'

По мнению наших информаторов из джалганцев, их язык якобы схож с талышским. Однако, по их же оговорке, джалганцы и талыши не понимают друг друга. Кроме того, мы не наблюдали особого сходства исследуемого языка с талышским или с какими-либо другими прикаспийскими иранскими языками – гиланским и мазендаранским. Совпадения с перечис-

ленными языками не выходят за рамки совпадений с языком фарси, что, безусловно, является результатом общего происхождения.

В джалганском языке наблюдается появление фонем, не характерных для других иранских языков, заимствованных, видимо, из азербайджанского языка:

ÿ – *gükk* ‘небо’

ö – *övshē* ‘лес’.

В то же время в джалганском языке сохраняется персидская фонема *a°*, произносимая между *a* и *o*, и перешедшая, к примеру, в таджикском в *o*, а в дари – в *a*.

В целом на формирование джалганского языка, по нашим наблюдениям, решающее влияние оказали следующие факторы:

1. изолированность от других иранских языков;
2. возможное влияние соседних прикаспийских языков;
3. влияние тюркского, в частности, азербайджанского языка;
4. развитие языка по своим внутренним законам.

Безусловно, приведенные примеры характеризуют джалганский язык лишь частично, однако их достаточно для того, чтобы определить, насколько самостоятелен этот язык и насколько он отличается, к примеру, от близкого к нему литературного персидского языка. Очевиден и тот факт, что необходимо дальнейшее комплексное изучение джалганского языка.

Объяснение тому, что язык джалганцев сближается с фарси, а традиционная культура соприкасается с культурой осетин, мы находим в истории Дербентского края. Первым письменным упоминанием о Дербентских воротах служит сообщение Геродота в связи с известными походами скифов в Переднюю Азию на рубеже VIII-VII вв. до н.э. [3, 23]. Последующие авторы время от времени упоминают о проникновении ираноязычных сармато-массагето-аланских племен в Южный Дагестан и на территорию современного Азербайджана. В настоящее время сообщения письменных источников подтверждают археологические данные. Исследователи отмечают:

«Археологические памятники свидетельствуют о проникновении в первые века нашего летоисчисления и даже несколько раньше племен сармато-массагето-аланского круга на территории Дагестана, южные районы которого, по-видимому, входили в состав Мазкутского царства. В Дагестане этого времени археологически засвидетельствованы многочисленные памятники материальной культуры сарматского и сарматоидного облика... В областях Дагестана обнаружены катакомбные захоронения и группы населения с деформированными черепами» [4, 218].

Значительный след оставило в Южном Дагестане и другое ираноязычное племя – аорсы. Аорсы, помимо военных действий, вели на территории западной Прикаспийской полосы оживленную торговлю, свидетельством чему может служить сообщение Страбона о караванной торговле аорсами индийскими и вавилонскими товарами, которые они получали у мидян и армян [5, 5].

Возникновение ряда укреплений в стратегически важных местах Прикаспийского Дагестана (Дербент, Шах-Сенгер, Урцеки) в период с VII в. до н.э. исследователь истории Дербента А.А. Кудрявцев связывает с походами скифов, оказавших большое влияние на развитие народов Дагестана, их политическую активность и наложивших отпечаток на их материальную культуру [3, 43].

Армянские [6, 15], а позднее арабские авторы [7, 64] на западном побережье Каспия упоминали племя мазкутов, создавших свое царство. Мазкуты большинством исследователей отождествляются с ираноязычными массагетами [8, 153].

Непрекращавшиеся вторжения северокавказских ираноязычных кочевников, а впоследствии и хазар, в Переднюю Азию через Дербентские ворота вынудили правителей Персидской державы заняться укреплением прохода между Каспием и Кавказскими горами. В V-VI вв. персидские шахи из династии Сасанидов развернули строительство фортификационных сооружений на Восточном Кавказе [3, 76-79]. Помимо строительства фортифика-

ций Сасаниды, безусловно, старались переселить персидское население как в саму крепость Дербент, так и в ее окрестности. По этому поводу А.А. Кудрявцев пишет: «Метод закрепления завоеванных территорий путем заселения их колонистами был не нов и широко применялся правителями Переднего Востока с древнейших времен. Сасанидские шаханшахи правильно полагали, что, находясь в чужой по языку и духу культурной среде, окруженные враждебно настроенными к захватчикам племенами, персидские переселенцы будут самой надежной защитой этих важнейших ворот Иранского государства, отчетливо понимая, что их спасение внутри крепчайших стен города» [3, 113].

Таким образом, вследствие возведения Сасанидами фортификационных сооружений в Дербентском проходе на территории южного Дагестана столкнулись две иранские субэтнические группы, осколками которых сегодня можно считать ираноязычных татов и джалганцев.

По информации старожилов села Джалган, после закладки крепости Дербент персы устроили вокруг города семь селений, призванных охранять новую крепость, и Джалган – одно из этих поселений. Среди прочих – сс. Комах, Мугъ-арти, Дарвагъ, Химейди, Марэгъе, Зидиан. Перечисленные села, по утверждению наших информантов, изначально были персоязычными, о чем свидетельствует этимология некоторых названий. Так, ‘Зидиан’ восходит к персидскому ‘зидан’ (‘тюрьма’). По историческим сведениям здесь располагались тюрьмы. Название же ‘Дарвагъ’ (Дарваг) переводится с персидского как ‘открытые ворота’. ‘Комах’ также переводится с персидского языка как ‘заключенный’.

Информация старожилов о семи поселениях вокруг крепости подтверждается исторически. Как известно, крепостная стена имела протяженность более 40 км и тянулась до Табасарана. Согласно сведениям Ибн ал-Факиха, в крепостной стене имелось «7 проходов, у каждого из которых город, и живут в них персидские воины»

[9, 23]. Подобные же сведения находим у Масуди, утверждавшего, что крепость имеет ворота через каждые три, а то и больше миль, в зависимости от дорог, соответственно которым и поставлены ворота, за которыми Хосров «населил там с внутренней части каждого ворот народ, обязанный охранять эти ворота и соседнюю часть стены» [10, 40-41].

Исходя из исторических сведений, можно заключить, что появление Джалгана восходит к временам зарождения крепости Дербент. Соответственно, между современным языком джалганцев и языком фарси – более полутора тысяч лет. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что джалганский язык не потерял основные черты языка фарси.

Таким образом, по результатам работы экспедиции можно сделать следующие заключения:

– язык джалганцев примыкает к персидскому (фарси) языку;

– традиционная культура и религиозные воззрения джалганцев, несмотря на отчетливый синкретизм, не имеют аналогий у тюрко-, ирано- и кавказоязычных народов Дагестана;

– члены экспедиции не смогли обнаружить в традиционной культуре и религиозных воззрениях джалганцев следы зороастризма, которые должны были бы сохраниться ввиду принадлежности персов времен основания крепости Дербента к зороастрийской религии;

– многие элементы традиционной культуры джалганцев имеют аналогии в традиционной культуре осетин, которые, однако, нельзя принимать за типологические схождения.

Принимая во внимание исторические сведения о появлении крепости Дербент и селения Джалган, можно предположить, что в генезисе джалганцев приняли участие как персы (от которых сохранился язык), так и аланы (от которых сохранились в определенной степени религиозные воззрения и этикетные нормы).

Безусловно, отсутствие в экспедиции археологов, историков, антропологов и эт-

нографов не позволило ответить на многие вопросы относительно традиционной культуры джалганцев, однако собранные материалы позволяют сделать однозначный вывод о необходимости продолжения исследований Джалгана, которые дадут возможность пролить свет не только на историю и генезис джалганского народа, но и на некоторые страницы истории алан, а также проследить эволюцию традиционной культуры и религиозных воззрений осетин.

Примечание

1. Осетины-джалганцы на Дагестанской земле. Рукопись. Со слов П.Д. Бароева записала Т.П. Бароева-Джимиева. Гизель, 1978 г. // Личный архив З.К. Кусаевой.

1. Таказов Ф.М. Характеристика религиозно-мифологического сознания осетин // Вопросы литературы и фольклора. 2014. № 7-2. С. 66-80.

2. Таказов Ф.М. К вопросу определения понятия «религиозный синкретизм» (на примере Северного Кавказа) // Вопросы литературы и фольклора. 2015. № 8-2. С. 84-95.

3. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982.

4. Алиев И., Асланов Г. Племена сармато-массагето-аланского круга в Азербайджане // Древний Восток. 1976. Т. 2. С. 218-237.

5. Страбон. География. М., 1964. Книга XI.

6. История Армении Фавстоса Бузанда. Ереван, 1953.

7. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963.

8. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.

9. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. М.-Л., 1957. Т. IV.

10. Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусайн ибн Али ал-Масуди. Золотые копи и россыпи самоцветов (История Аббасидской династии: 749-947 гг.). М., 2002.